

ОТНОШЕНИЯ КАТОЛИКОВ И ПРАВОСЛАВНЫХ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ ТРУДЕ И.Л. ДЕЦИЯ

© 2019 г. Б.Н. Флоря

*Чл.-корр. РАН, заведующий отделом Института славяноведения РАН
E-mail: zhurslav@mail.ru*

В статье характеризуются взгляды хрониста И.Л. Деция о православных в Восточной Европе и их отношениях с католиками на территории Великого княжества Литовского и за его границами.

The article characterises the views of the chronicle writer Justus Ludwik Decjusz about the Orthodox Christians in Eastern Europe and their interactions with Catholics in the territory of the Grand Duchy of Lithuania and beyond its borders.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Россия, православные, католики.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, Russia, Orthodox Christians, Catholics.

DOI: 10.31857/S0869544X0004202-5

В многоэтничном и многоконфессиональном государстве есть основание ожидать не только определенной практики межконфессиональных отношений, закрепленной в соответствующих актах, но и существования определенных моделей межконфессиональных отношений, которые могли быть разными в разных общественных кругах даже одной религиозной общности. Определенной иллюстрацией такого положения может служить положение в Великом княжестве Литовском в первой половине XVI в.

Так, здесь в целом ряде важных актов, исходивших от государственной власти, устанавливались нормальные условия существования православной церкви в Великом княжестве и защита властью ее интересов в отношениях с католиками. В грамоте 1511 г., выданной по ходатайству православного митрополита и «князей и панов Греческого закона», была подтверждена судебная юрисдикция митрополита и епископов по отношению к православным жителям Великого княжества «в духовных делах». Одновременно в ней предписывалось, «абы вси князи и панове нашего Римского закона, как духовные, так и светские» православным «кривды не чинили и в доходы церковные и во вси sprawy и суды духовные не вступалися» [1. Т. II. № 65]. Позднее был принят ряд различных мер, чтобы установленные нормы не остались на бумаге.

В текстах установленного в 1529 г. свода законов Великого княжества — I Литовского статута говорилось о намерении монарха «обдаровати» «правы христианскими» всех христиан — своих подданных. Оно должно было действовать по отношению ко всем «христианам» Великого княжества, независимо от их принадлежности к той или иной христианской конфессии. Здесь же отмечалось, что король подтверждает «привилея костельные, так латинского закону, яко и греческого» [2. С. 31], т.е. и та, и другая церковь может законно пользоваться правами, предоставленными им государственной властью.

В грамотах, адресованных отдельным обителям, подчеркивалась забота монарха — католика — о том, чтобы «хвала Божья в той церкви Божьей ширила и множила» [3], «абы в том монастыри завежды хвала Божья бывала, а за нас, господаря, Бога прошано» [4. С. 32].

Однако этой позиции, установленной и прокламируемой государственной властью, противостояла позиция по отношению к православным католического епископата (и католического духовенства в целом), которое придерживалось «конфронтационной» модели отношений, сформировавшейся в конце XIV — начале XV в. и пересмотренной теперь государственной властью. Эта модель предусматривала возможность и законность существования православной церкви в Великом княжестве Литовском, но, видя в ней очевидный источник зла, католическая церковь настаивала на надзоре за ее деятельностью и установлению по отношению к этой деятельности разных ограничений. Как известно, подобную программу удалось в значительной степени осуществить на территории Русского воеводства Польского королевства, и целый ряд католических иерархов активно противодействовал образованию на этой территории православной Львовской епархии. В 1542 г. синод в Пётркове добивался ее закрытия [1. Т. I. № 102]. Ленчицкий синод в 1527 г. настаивал на сохранении установленного Витовтом запрета на строительство новых православных храмов и требовал разрушить церкви, построенные в нарушение этого запрета [5. S. 56]. На протяжении всей первой половины XVI в. польская католическая церковь не признавала истинности православного таинства крещения, хотя это противоречило решениям, принятым еще в середине XV в. на Флорентийском соборе [6. С. 62].

Дополнительную сложность создавало то, что отношение политической элиты — прежде всего литовской католической знати — к православным менялось с обращением к сфере отношений с православными жителями враждебного восточного соседа — Русского государства.

Сохранилось послание литовской рады Сигизмунду I, в котором о главе этого государства — Василии III — говорилось, что он «не знает Божьи веры правдивы», «валчит против крови хрестьянские», а жители России характеризуются как «отщепенцы»-схизматики [1. Т. I. № 144. С. 174–175].

Интересно рассмотреть, как такое состояние общественного сознания отразилось в историческом труде, посвященном изображению начального периода правления Сигизмунда I. Имею в виду книгу Иоста Людвика Деция «Книга о временах короля Сигизмунда», напечатанную в 1521 г. Иост Людвик Деций, выходец из Эльзаса, сумел найти приют в Польше и сделать себе карьеру благодаря своему земляку Яну Бонеру, бывшему одним из главных финансовых советников короля Сигизмунда I. Со службы у Яна Бонера И.Л. Деций перешел на королевскую службу, став в 1520 г. королевским секретарем. Благодаря Бонеру обладал важными должностями в финансовом

аппарате монархии (в частности, одно время был управляющим соляными рудниками Велички). В 1531 г. он получил дворянское достоинство.

Вместе с тем Деций был образованным человеком, одним из польских корреспондентов Эразма Роттердамского¹. Данные биографии Деция характеризуют его и как представителя власти, и как человека, связанного с кругами богатого и влиятельного, сотрудничавшего с властью, мещанства, и как представителя формировавшейся ренессансной интеллигенции. Есть поэтому основание видеть в историческом труде Деция отражение взглядов, характерных для группы людей, занимавших важное место в общественной и культурной жизни Польши и Великого княжества Литовского. Следует также учесть официальный характер труда: когда завершалась работа над его текстом, Деций был королевским секретарем.

Деций был католиком, привязанным к католической вере и характерным для нее практикам. Неудачи польского войска в войне с татарами он традиционно объяснял тем, что люди пренебрегали их исполнением [7. S. 123]. Вместе с тем он не был католиком крайних взглядов. Характерно, что в его сочинении обнаруживается ряд критических высказываний по адресу папского престола. Так, в разных местах своего труда он порицал папу Юлия II, который развязал ряд войн в Италии [7. S. 50, 88], хотя для избранной им темы необходимости в таких высказываниях не было. Сообщение, что папа требует денег на строительство нового здания Собора св. Петра он сопровождал комментарием, что полезнее было бы использовать эти средства, чтобы построить крепости для защиты «христиан» от татарских набегов [7. S. 53].

Заслуживают внимания и сообщения Деция о взаимоотношениях держав Сигизмунда I с мусульманскими соседями. «Татары» для Деция — коварный и опасный враг, какое-либо прочное соглашение с которым невозможно, но в иной тональности выдержаны его высказывания об отношениях с Османской империей. Так, в его труде сообщается о приезде послов от султана Баязида, которые прибыли для подтверждения союза, заключенного некогда с отцом Сигизмунда I [7. S. 47–48]. Важно и помещение сообщения о таком событии, и отсутствие критических комментариев по этому поводу. Еще более важно, что, говоря о призывах папского престола, чтобы Сигизмунд I присоединился к антиосманской коалиции, хронист замечает, что разрыв мирного договора, заключенного с султаном, был бы «нарушением международного права», которое следует соблюдать даже по отношению к нехристианскому государю [7. S. 50].

Очевидно, что Деций не только не был католиком крайних взглядов, но и не считал (очевидно, как представитель нарождающейся ренессансной интеллигенции), что все вопросы государственной жизни должны определяться интересами католической религии. В сочинении Деция присутствует целый ряд оценочных суждений, касающихся православных жителей Польского королевства и Великого княжества Литовского. В одном из заключительных разделов своего сочинения Деций записал о «русинах», что «они не во многом отличаются от нас по вере, но, хотя имеют другие обряды, к ним надо относиться терпимо, поскольку в самих догматах веры они едва ли не полностью согласны с нами» [7. S. 123]. В начальной же части своего труда Деций писал, что и обряды их мало отличаются от католических, и только из-за этих различий они не принадлежат к «римской церкви», как чехи [7. S. 18–19].

¹ См. вступительную статью к изданию [7].

Эти высказывания о «русунах» заметно отличаются от его высказываний об «армянах», которых хронист рассматривает вместе с «евреями» и обвиняет в том, что они снабжают оружием врагов, а магнатов в том, что они им давали власть над «христианами» [7. С. 123]. В высказываниях Деция о православных «русунах» налицо, как представляется, определенное обоснование межконфессионального мира между католиками и православными, который Сигизмунд I установил в Великом княжестве Литовском и пытался установить и в Польском королевстве с образованием Львовской православной епархии.

Подчеркивание Децием полного сходства в догматах веры между православными и католиками, как представляется, появилось не случайно в сочинении, увидевшим свет в условиях быстрого распространения протестантских учений. Деций так хотел показать, что православные не имеют никакого отношения к предосудительным новшествам.

Совсем в ином ключе выдержана тема взаимоотношений католиков и православных в повествовании о русско-литовской войне 1512–1514 гг. Василий III выступает в нем как «неприятель христианства», а польско-литовская армия, противостоящая его войскам, неоднократно именуется «христианским» войском [7. С. 75, 81]. Особенно интересен в этом плане авторский комментарий к сообщению о том, что Василий III взял к себе на службу немцев и итальянцев. По оценке хрониста, эти люди, «не помня своей веры, готовят уничтожение христиан». Хронист сравнивает этих людей с христианами, которые служат султану [7. С. 75]. Одновременно русские участники войны в рассказе Деция неоднократно именуются «варварами» [7. С. 78, 84]. Эта часть высказываний Деция соответствует тому, что говорилось о Василии III и его православных «русских» подданных в цитировавшемся выше послании литовской рады и в брошюрах, рассылавшихся в 1514 г. по Европе после победы литовского войска в битве под Оршей. Василий III выступал в них и как враг «истинной веры», и как «варвар», угрожающий цивилизованной латинской Европе [8. С. 46–50].

Но если брошюры рисуют единую и цельную картину, то иначе обстоит дело с сочинением Деция. В нем по существу рисуется два разных образа носителей одной и той же религии. Если православные жители Польского королевства и Великого княжества Литовского — это «христиане» чья вера мало отличается от веры католиков, то православные жители России — это враги «христиан», к которым следует относиться как к мусульманам — подданным султана. Дела никак не разъясняет констатация Деция в одном из мест его сочинения, что у «русинов» по обеим сторонам русско-литовской границы одна и та же вера [8. С. 85]. А между тем неформальный лидер православных в Великом княжестве Литовском и командующий его армией в битве под Оршей кн. Константин Острожский фигурирует в том же сочинении как «славный на все времена человек и вождь» [8. С. 79]. Никакой серьезной попытки согласовать между собой все эти высказывания в тексте Деция мы не находим, но все же определенную попытку что-то объяснить читателю он все же предпринял. По-видимому, его спрашивали, почему православные Великого княжества, если они одной веры с Василием III, не переходят на его сторону. Ответ Деция состоял в том, что их останавливает «тираническая» власть великого князя московского, когда «богатство каждого и его размер зависят от воли князя» [8. С. 85]. Получалось как-будто, что плоха не вера Василия III, а характер его власти, но в тексте Деция эта мысль развития не получила, возможно, потому, что тогда возникли бы противоречия между его утверждениями и правительственной пропагандой.

Таким образом, разбор высказываний Деция в его труде, имевшем в известной мере официальный характер, показывает утверждение и одновременное сосуществование представлений о православных как близких по вере с католиками, с которыми надо жить в мире, и представления о православных как «врагах» христианского мира, которое сложилось в более ранний период и было определенно отодвинуто на задний план, но сохранялось в общественном сознании благодаря конфликту Великого княжества Литовского с православным Русским государством. Высказывания Деция все же рисуют его как приверженца межконфессионального мира православных и католиков во владениях Сигизмунда I. Некоторые его сообщения позволяют судить, как представляли себе в кругах, к которым принадлежал Деций, характер такого мира. Деций в своем сочинении с одобрением писал, что дед Сигизмунда I Ягайло заботился «во всей Сарматии» об особом положении носителей католической религии. «Русские» могли совершать свое богослужение только в деревянных храмах. А теперь, — констатирует он с беспокойством, — благодаря поддержке «могущественных и влиятельных людей они строят каменные храмы», в чем Деций мог сам убедиться при посещении Вильно. Он также отмечает, что люди, «принадлежащие к этой секте, занимают важные государственные посты» [8. С. 85–86].

Сведения Деция были точными. После победы под Оршей кн. Константин Острожский получил у Сигизмунда I разрешение построить в Вильно каменные храмы Троицы и св. Николая [9. С. 120]. Как человек, способный принимать во внимание и внеконфессиональные факторы, хронист мог бы увидеть в этом событии важный шаг, скреплявший единство государства перед лицом внешней опасности, но его реакция оказалась иной. Очевидно, в той части католического общества, к которой принадлежал хронист, прочно существовало представление, что межконфессиональный мир должен был закрепить особый привилегированный статус католической религии в Великом княжестве Литовском. Да, в силу разных причин православных следует «терпеть», но нельзя допускать, чтобы они в каком-либо отношении претендовали на равное положение с католиками. Прочное сохранение таких представлений делало межконфессиональный мир непрочным и побуждало государственную власть неоднократно предпринимать меры для его сохранения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1863. Т. I; СПб., 1865. Т. II.
2. Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Минск, 1960.
3. Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1848. Т. II. № 112.
4. Архив Юго-Западной России. Киев, 1883. Ч. 1. Т. VI. № XV.
5. Vitoldiana. Codex privilegiorum Vitoldi magni ducis Lithaniae/ Poznań, 1986. № 50.
6. *Дмитриев М. В.* Характер первых контактов православного и католического общества в эпоху контрреформации // Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — начале XVII в. М., 1996. Ч. 1.
7. *Decjusz J. L.* Księga o czasach króla Zygmunta. Warszawa, 1960.
8. *Граля Х.* Мотивы «оршанского триумфа» в ягеллонской пропаганде // Проблемы отечественной истории и культуры эпохи феодализма. Чтения памяти В. Б. Кобрин. М., 1992.
9. *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. М., 1996. Кн. V.